Миронов А

19/VIII 88.

148

19 АВГ 1987

ИЗВЕСТИЯ

НЕВОЗМОЖНО ГОВОРИТЬ В ПРОШЕДШЕМ ВРЕМЕНИ...

Еще звучит в ушах траурный марш, под звуки которого мы прощались с выдающимся актером, подлинно народным артистом Анатолием Папановым. И вот — еще одна потеря, новая горестная весть. И снова из Театра сатиры. На гастролях в Риге скончался Андрей Миронов. Он умер на сцене — так умер Мольер. «Прекрасная смерть»? Словосочетание это, само по себе противоестественное, кажется вдвойне трагичным, когда осознаешь, что речь идет об Андрее Миронове.

Очерк, фрагмент из которого мы публикуем, находился у нас в редакции, когда печальное известие долетело до Москвы. Драматург Григорий Горин запечатлел в нем Миронова живым, блестящим, полным сил и обаяния, сомневающимся и мучающимся, идущим собственным путем в искусстве. Таким он и останется в нашей памяти.

Сколько бы Театр ни наполнял жизнь Миронова, он ненасытим. Ему мало быть ведущим актером, ему хочется быть осветителем, художником, костюмером, даже билетером... Как в омут, он ринулся в режиссуру...

Сама же премьера его очередной режиссерской работы становится просто жизнеопасным мероприятием, ибо когда он стоит в зале, спрятавшись в дальнем проходе за портьерой, то бессознательно «проигрывает» каждую роль в тайной надежде, что хоть часть его энергии передастся исполнителям... И когда кончается этот кошмар, когда стихает гром аплодисментов и он, бледный и изможденный, сидит в своей гримуборной, я, уже не как драматург, а просто как бывший врач осторожно спрашиваю: «Как ты себя чувствуешь? Устал?» В ответ недоуменный взгляд и стандартный ответ: «С чего мне уставать? Я ж не работал... Я смотрел...»

Судьба предложила ему, к сожалению, и такую «репетицию». Вдруг стремительно распространился слух, что его не стало. Люди звонили днем и ночью: «Что с Андреем? Когда ЭТО случилось?» И хотя ты обстоятельно отвечал, что ЭТОГО не случилось, хотя он действительно в больнице и сделана операция, но все прошло хорошо и он скоро будет совсем здоров, все равно спрашивающие плохо понимали ответ, словно оглушенные самим фактом возникновения такой вести. Театр был завален письмами и телеграммами. Усталая дежурная плачущим голосом умоляла в трубку: «Перестаньте звонить! Миронов жив! А я от ваших звонков на последнем издыхании!» И в подтверждение своих слов всхлипывала, чем порождала новые догадки...

Я приезжал в больницу к Андрею, смеясь описывал ему географические контуры распространения слуха: «Из Минска звонили... Из Новосибирска... В Болгарии траур...» «А Югославия спокойна? — моментально включался он в игру. — Безобразие. Я там дважды выступал с концертами... Целовали, обещали любовь до гроба... И вот, пожалуйста, время пришло, а оттуда ни звука!» Я подбадривал... Мол, такой слух — хорошая примета, когда человека вдруг заживо хоронят, ему, как правило, обеспечена долгая жизнь... «Долгая — пусть! — соглашался он. —Главное, чтоб не скучная... Сыграть что-то новое надо... И поставить... И для эстрады номера нет. Чем компоты мне носить, придумал бы что-нибудь...» И сразу загорались глаза в предвкушении новой работы...

Я смотрел на него и думал, что, конечно, волнение за него у людей понятно, но никаким слухам никто до конца поверить не сможет. Слишком живое это явление в нашем искусстве — Андрей Миронов. Слишком много в нем праздничного, радостного, чтобы когда-нибудь, даже через пятьдесят лет, говорить о нем в прошедшем времени...